

Литературоведение

УДК 821.161.1.09 (045)

Г.В. Мосалева

ДВА «РОМАНА»: МЕТАМОРФОЗЫ «УЛЫБКИ» И «УСМЕШКИ» В «ОБЛОМОВЕ» И.А. ГОНЧАРОВА

В статье сопоставляются две сюжетные линии, связанные с Ольгой Ильинской и Агафьей Пшеницыной. Сюжеты «улыбки» и «усмешки» изучаются в контексте категории комического в романе Гончарова. Рассматривается феномен двойственности «улыбки» Ильинской: с одной стороны, как символ западной культуры (впервые появляется на лице Ольги в связи со Штольцем), с другой стороны, как символ любви к Обломову, к миру «своего». «Улыбка» Ольги полисемантическая: она отождествляется с книгой, жизнью, любовью. Крах иллюзий Ольги о браке с Обломовым приводит ее к измене улыбке, подавлению и вытеснению ее «усмешкой» и «слезами». Драматический финал любовной линии Ольги и Обломова рассматривается в метафизическом контексте как измена своему предназначению, отказ от подлинного Жениха. Расплатой Ольги за отказ от предназначения является утрата ею «детского смеха» и «улыбки». В сюжете «усмешки» Агафьи Матвеевны отмечается обратное движение: от «усмешки» к «улыбке», от автоматизма жизни к ее духовному преображению. «Усмешка» у Пшеницыной выступает как загадка для читателя, предлагаемая автором. В статье рассматриваются разные смыслы проявления «усмешки» героини: как признак целомудрия души, смирения, простоты и кротости. В сравнении героинь отмечается различие их культурных ориентиров: образ Ильинской эстетизируется и романтизируется, образ Пшеницыной дезэстетизируется и углубляется. Обращается внимание на динамику образа Ольги и статику образа Агафьи Матвеевны, в результате чего первый тяготеет к живописности, второй – к иконичности. В финале романа и «улыбка» Ольги и «усмешка» Агафьи Матвеевны растворяются в «слезах» по Обломову, вызывая в читателе феномен умиления.

Ключевые слова: Поэтика, комическое, сюжет, мир ценностей, герои.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-1054-1061

Проблема комического в романе «Обломов» имеет метафизическое измерение. Она проявляется в символически значимых и влияющих на сюжетное развитие романа частностях. Подобными проявлениями комического являются сюжеты «улыбки» и «усмешки» героев в процессе их общения друг с другом. В данной статье мы попытаемся выяснить смысл «улыбки» и «усмешки» двух персонажей, своеобразных «симметризов» [7, с. 45] «Обломова»: Ольги Ильинской, воспринимающейся в критике как олицетворение небесной, одухотворенной любви и Агафьи Матвеевны – как символ земной.

Ольга: От улыбки к усмешке, подавление улыбки

Вторая часть «Обломова» посвящена развитию отношений Обломова и Ольги. Символом образа Ольги является ее многозначительная *улыбка*. Ее культурный статус антонимичен. С одной стороны, «в христианстве в целом... и в русском православии... улыбку считали выражением светлой радости и причастности к тайне спасения», с другой стороны, улыбка – «атрибут западной культуры» [1, с. 96]. В случае с Ольгой улыбка не является формальным культурным жестом, она всегда содержательна и искренна, хотя впервые на лицо Ольги улыбка «является» с приходом западника Штольца, всегда ее смешашего. У Обломова, в отличие от Штольца, как раз не было желания рассмешить Ольгу. Глядя на него, Ольга смеется непроизвольно, подобно девочке, увидевшей, как Обломов от смущения «захватил... кучу сухарей, бисквитов, кренделей» [4, т. 4, с. 194] и не знал, что с ними делать. Для Штольца Ольга – ребенок. Дети тянутся к себе подобным. Для Ольги-ребенка Обломов тоже большой ребенок, веселый объект для наблюдения, ей нравится подсмеиваться над ним, услышав о нем от Штольца «смешные рассказы» о «лежанье» Обломова, о надетых им разных чулках: «Он взглянул: улыбка так и ползает у ней по лицу, то осветит глаза, то разольется по щекам» [4, т. 4, с. 197].

Обломову насмешки Ольги не приятны, но он увлекается ей словно против своей воли: «Она – злое, насмешливое создание! – подумал Обломов, любуясь против воли каждым ее движением» [4, т. 4, с. 201].

Вместе с тем Обломова привлекает *улыбка* Ольги, сравниваемая им с *книгой*: «Улыбку можно читать, как книгу; за улыбкой эти зубы и вся голова... как она нежно покоится на плечах, точно зыблется, как цветок, дышит ароматом...» [4, т. 4, с. 202].

В дальнейшем улыбка Ольги отождествляется с ее любовью к Обломову, улыбка становится самым символом любви к нему, воплощением радости и самой жизни: «– Умрете ... вы, – с запинкой продолжала она, – я буду носить вечный траур по вас и никогда более не улыбнусь в жизни» [4, т. 4, с. 247].

В словах Ольги о «жизни и любви как долге, обязанности» Обломов слышит голос Корделии – младшей дочери Короля Лира из одноименной пьесы Шекспира. Ему кажется, что эти убеждения Ольге кто-то «внушил» так как они требуют личного опыта и глубины, которых у Ольги нет в силу ее возраста.

С улыбкой Ольги связана и найденная Обломовым цель жизни: «Жизнь, жизнь опять отворяется мне ... вот она в ваших глазах, в улыбке, в этой ветке в *Casta Diva*... все здесь...» [4, т. 4, с. 239].

Однако прозрение Обломова возникает почти одновременно с иллюзией о тождестве цели жизни и улыбки. Серьезным испытанием для Ольги становится «прощальное письмо» Обломова, в котором он, первым поняв, что Ольге нужен не он, а «другой», выразил эту мысль в письме. Обломов боится, что при встрече с этим «другим», своим подлинным «женихом», Ольга, взглянув на Обломова, осознает свою ошибку и «захохочет!» [4, т. 4, с. 253]. Обломова страшит не смех над ним, а разочарование Ольги, ее будущая личная катастрофа.

Улыбка Ольги сменяется слезами, и в сцене объяснения с Обломовым некогда «кроткая» Ольга предстает оскорбленной богиней «гордости и гнева, с сжатыми губами, с молнией в глазах» [4, т. 4, с. 267]. Увидев лицо «смущенного» Обломова, она «*подавляет*» улыбку, осознавая свою власть над ним.

В дальнейшем улыбка Ольги будет претерпевать едва заметные, но существенные изменения, означая этапы развития любовного романа вплоть до его краха, пророчески ощущаемого Обломовым. Любовь как болезнь с «тревогами и волнениями» не может длиться вечно. Вспоминая о библейском воине Иисусе Навине, остановившем движение солнца и луны, Обломов понимает, что для него такие подвиги не под силу. Предчувствие конца отношений у Ольги выражается в ее нервических расстройствах: беспричинном страхе и слезах, и ее улыбка становится «странной, бессознательной», «как будто под влиянием грезы» [4, т. 4, с. 275], «жаркой», приводящей к «изнеможению», с которой она «не может сладить». Возникает ощущение, что «улыбка» словно отделяется от Ольги, Обломову кажется, что он «где-то видал эту улыбку»: «...он припомнил какую-то картину, на которой изображена женщина с такой улыбкой... только не Корделия» [4, т. 4, с. 275].

Представления Обломова об Ольге как Корделии, олицетворяющей собой идею «любви и жизни как долга, обязанности», жертвенности, со временем меняются, она им не соответствует.

В финале второй части Ольга еще улыбается «веселой», «легкой» улыбкой, но последняя постепенно вытесняется в третьей части «усмешкой», превращаясь в формальный культурный жест, форму светского этикета. На улыбку Ольги Обломов отвечает «улыбкой согласия», обещая приехать в театр, но ехать «вечером, по грязи, в такую даль!» [4, т. 4, с. 316] ему явно не хочется. Ухаживание за Ольгой, необходимость тратить деньги на театр и последующая женитьба требуют от Обломова дел и средств, а у него на это не хватает желаний и сил. Всеобщая «*улыбчивость*» в сцене разговора Обломова с Ольгой и бароном обнаруживает скрытый эмоциональный разлад между ними: «И она опять улыбнулась, и он улыбнулся, глядя на нее, и с улыбкой просил барона; тот, тоже с улыбкой, взялся послать за билетом»; «И окончательно улыбнулась, как улыбалась, когда была совершенно счастлива» [4, т. 4, с. 316].

Решительное объяснение Ольги с Обломовым происходит в предпоследней главе третьей части. Обломов признается в своей неспособности к делам и жалеет, что «нет Андрея», способного все «уладить». Именно в этот момент Ольга «усмехается»: «...у ней усмехнулись только губы, а не сердце: на сердце была горечь» [4, т. 4, с. 370].

Казалось бы, Ольга тем самым уподобляется Агафье Матвеевне в ее склонности к «усмешке». Однако «усмешка» Ольги имеет совсем другой смысл – окончательного разочарования в любимом. С «усмешкой» Ольга утрачивает доброту. Ей становится дурно в то время, когда Обломов все еще пребывает «в избытке радости и мечтанья» [4, т. 4, с. 370]. Надежды Ольги на способность Обломова к деятельности ради нее разрушились, и она не щадит его, полагая, что, если Обломов не может «жить для нее», значит, он умер. В любовном крахе Ольга всецело винит Обломова: «Камень ожил бы от того, что я сделала» [4, т. 4, с. 373]. Вместе с тем Гончаров сравнивает ее в этот момент с «каменной статуей», отмечая «внутреннюю жизнь» каждой ее черты, окованной «точно льдом, насильственным спокойствием и неподвижностью» [4, т. 4, с. 372].

Драма Ольги в том, что она не способна любить настоящего Обломова, предлагающего ей взять его, «как он есть». Ольге нужен «будущий Обломов», которого она «выдумала» вместе со Штольцем. По мнению И. Анненского, Ольга «влюбилась ... не в Обломова, а в свою мечту», она «миссионерка», «девушка с большим запасом здравого смысла, самостоятельности и воли» [1, с. 275].

Символично, что ее «горькие» самолюбивые слезы, изливавшиеся из глаз «безотрадно, холодными потоками», Гончаров сравнивает с *осенним дождем*. Ольга отказывается от *кротости, честности и голубиной нежности* Обломова, прося дать ей «чего-то еще», что ей недостает, но «чего» она и сама не знает. Пренебрежение Ольги качествами Обломова, символизирующими ценности православного мира, означает отказ от себя. Она ведь Ильинская, стало быть, и она, как и ее жених, тоже вышла из «мира Ильи», но не захотела в нем быть. Отказ Ольги от Ильи знаменует собой не личную драму русской девушки, а куда более глубокую, ценностную, метафизическую: не от Обломова отказывается Ольга, а от Жениха. Само имя Ольга соответствует смыслу ее предназначения, которому она изменяет. Первая ассоциация, возникающая в связи с ее именем, это святая равноапостольная великая княгиня Ольга, означающая первую ступеньку святости в «Степенной книге царского родословия». Не случайно от нее, а не от ее внука Владимира ведется повествование в Книге. Само имя «Ольга» – древнескандинавское по происхождению, значащее «святая». В тропарях Ольга прославляется как «Богомудрая». В дополнительном тропаре 4 гласа святая Ольга воспевается как невеста, последовавшая Христу, «Бессмертному Жениху», а в «похвальном слове» жития как «богосиянная русская звезда», «светящаяся лучами заря», «пресветлая свеча», «богонасажденная и боговозвращенная лоза», «души благолепие», «добровольная труженица», «премудрая» [12]. Ольга Ильинская воплощает собой тип одухотворенной, сияющей красоты. В ее портретных характеристиках доминируют «световые мотивы». Тем не менее, Ильинская оставляет свое предназначение, обесценивая его в приговоре Обломову: «А нежность... где ее нет!» [4, т. 4, с. 375].

«Жестокое» слово Ольги, исполненное «яду», с опозданием осознаваемое ею, «уязвляет» Обломова: «...внутри оно будто обожгло его, снаружи повеяло на него холодом. Он в ответ улыбнулся как-то жалко, болезненно-стыдливо, как нищий, которого упрекнули его наготой» [4, т. 4, с. 375].

Эту улыбку Обломова Гончаров называет «улыбкой бессилия». С этого момента в сюжете Ольги начинает звучать мотив холода, жестокого «ядовитого» слова, а в сюжете Обломова – мотив беззащитности, тепла, заботы об Ольге. Она плачет горькими слезами, Обломов – горячими, она о себе и крахе своих самолюбивых мечтаний, он – о ней, о ее страданиях; разрыв отношений с Ольгой оборачивается для Обломова горячкой, болезнью.

После разрыва с Обломовым Ольга утрачивает прежние качества смеха: в отношениях со Штольцем она «уже не смеялась по-прежнему громким, детским, серебряным смехом, а только улыбалась сдержанной улыбкой» [4, т. 4, с. 405]. В любовном сюжете Ольги со Штольцем ее улыбка перестает иметь символическое и онтологическое значение.

Новизну и глубину любовного сюжета Ольги и Обломова А.В. Дружинин видит в его связи с комическим элементом:

«Его бесподобная, насмешливая, бойкая Ольга с первых минут сближения видит все смешные особенности героя, не обманываясь нисколько, играет ими, почти наслаждается ими и обманывается только в своих расчетах на твердые основы характера Обломова. Все это поразительно верно и вместе с тем смело, потому что до сих пор никто еще из поэтов не останавливался на великом значении нежно-комической стороны в любовных делах, между тем как эта сторона всегда существовала, вечно существует и выказывает себя в большей части наших сердечных привязанностей» [7].

Дружинин высоко оценивает и образ Агафьи Матвеевны, которой «все будет прощено за то, что она много любила», но приходит к выводу, что именно Пшеницына – «злой ангел» Ильи Ильича, загубивший его, ввергнувший «в зияющую пучину на миг оставленной обломовщины» [7].

Мнение Григорьева об «изломанной» Ольге [6], существенно отличается от дружининского:

«Ольга, из которой под старость, если она точно такова, какою, вопреки многим грациозным сторонам ее натуры, показывает нам автор, выйдет преотвратительная барыня с вечною и бесцельною нервною тревожностью, истинная мучительница всего окружающего, одна из жертв бог знает чего-то. Я почти уверен, что она будет умирать, как барыня в "Трех смертях" Толстого... Уж если между женскими лицами г. Гончарова придется выбирать непременно героиню, – беспристрастный и не потемненный теориями ум выберет, как выбрал Обломов, Агафью Матвеевну, не потому только, что у нее локти соблазнительны и что она хорошо готовит пироги, – а потому, что она гораздо более женщина, чем Ольга» [7, с. 200-201].

Вторит А. Григорьеву в оценке образа Ольги как «наводящей не меньшую тоску», чем Штольц, «жеманной, бессердечной петербургской» барышни и Ю. Н. Говоруха-Отрок [3, с. 531], считающий, что «призывы» Штольца и Ольги поднять Обломова с дивана «были нищенски ничтожны, пошлы и плоски»: «Куда его звали и Ольга, и Штольц? В сутолоку обыденной жизни, к деятельности ради деятельности, к устройению нравственного и материального комфорта...» [4, т. 4, с. 533].

Итак, мы видим, что сюжет Ольги в романе с Обломовым отличается быстрой сменой образов: вначале романа Ольга стремится предстать как *Casta Diva*, спасительницей «спящей души» Обломова. Эта сюжетная линия подробно рассмотрена в научной литературе [8]. Затем в ее словах о любви как «долге», «обязанности» Обломов слышит речи дочери короля Лира – Корделии. Когда ее мечта о «переделке» Обломова исчезает, она становится похожа на оскорбленную богиню. Если в начале романа с Обломовым она видит себя в роли Пигмалиона, стремящегося оживить Галатею-Обломова, то в финале отношений Гончаров сравнивает ее с каменной статуей. Претензии на роль скульптора, творца также оказались неосуществимыми. В финале романа Ольга предстает хоть и плачущей, но все-таки каменной статуей, ожидающей своего оживления и воплощения.

Все исторические и культурные архетипы, в которых она видела себя, оказались неосуществимыми. Образ Ольги Ильинской сплетен из культурных ожиданий времени, поэтому он многократно трансформируется, колеблется.

Агафья Матвеевна: от усмешки к радостному свету

Роман Обломова с Агафьей Матвеевной изображается, начиная с третьей части, и развивается параллельно первому. Если отношениям Ольги к Обломову сопутствует *улыбка*, то отношениям Агафьи Матвеевны – *усмешка*. Если объектом наблюдения при знакомстве с Ольгой является Обломов, то в случае с Агафьей Матвеевной объектом наблюдения оказывается она, а Обломов находится в позиции «наблюдателя». Агафья Матвеевна *усмехается* уже при первой встрече с Обломовым: «Он успел увидеть какую-то женщину, с голой шеей и локтями, без чепца, белую, довольно полную, которая *усмехнулась* (курсив мой – Г.М.), что ее увидел посторонний человек» [4, т. 4, с. 300].

Усмешка в данном случае вызвана смущением Агафьи Матвеевны. Впоследствии ее природная стыдливость находит подтверждение в тексте: на платье она накидывает «воскресную шаль», а голову покрывает чепцом, входит «робко», «останавливается» и на Обломова смотрит «застенчиво», руки прячет под шаль.

Стыдливость как проявление целомудрия и совестливости души – одно из присущих и самому Обломову свойств, сближающих его с Агафьей Матвеевной, поэтому усмешка Пшеницыной его несколько не смущает: «У ней простое, но приятное лицо... должно быть, добрая женщина» [4, т. 4, с. 302]. Оценка Обломовым Пшеницыной совпадает со значением антропонима «Агафья» («от греч. «хорошая», «мудрая»).

В дальнейшем *усмешка* Агафьи Матвеевны обнаруживает спектр самых различных значений, красноречиво свидетельствующих о цельности и глубине ее души. В разговоре с Обломовым она *простодушно* усмехается, не умничая и не боясь признаться в незнании чего-то. Простодушные присуще и Обломову. Бесчисленное количество раз в тексте в отношении Агафьи Матвеевны появляются слова «усмешка» и «усмехнулась». Возникает ощущение, что Гончаров вовлекает читателя в разгадывание тайны *усмешки* Агафьи Матвеевны.

В ответ на вопрос Обломова: «У вас цветы: вы любите их?» [4, т. 4, с. 302], Агафья Матвеевна вновь «усмехается» и дает ответ, вызывающий у читателя «улыбку»: «...нам некогда цветами заниматься. Это дети с Акулиной ходили в графский сад, так садовник дал, а ерани да алоэ давно тут, еще при муже были» [4, т. 4, с. 303]. И здесь обнаруживается интересная деталь: если Ольге присущи точные и музыкальные образы, в частности, – образ сирени, музыка Беллини, Шуберта, то Агафье – их совершенное отсутствие.

Так же равнодушно Агафья Матвеевна относится и к книгам, чем обнаруживает свое абсолютное сходство с обломовским миром.

Ольга соответствует романтическому образу, на нее влияют внешние впечатления: природа, искусство, книги, душевные чувства. Она раскрывается через них. Агафья – образ уже совершенно реалистический, он не психологичен и обусловлен агиографической традицией, то есть природой церковной, а не светской литературы. Кроме того, в отличие, от динамичного, картинного образа Ольги, образ Агафьи статичен, причем статика характерна и для ее внутреннего мира. В силу этих свойств он отличается иконичностью.

Гончаров неоднократно комментирует *усмешку* Пшеницыной: «На всякий же вопрос, не касавшийся какой-нибудь положительной, известной ей цели, она отвечала усмешкой и молчанием»; «усмешка у нее была больше принятая форма, которою прикрывалось незнание, что в том или другом случае надо сказать или сделать» [4, т. 4, с. 303-304].

Как видим, *усмешка* Агафьи Матвеевны соединяется с *молчанием*, выступает как реакция на незнание ею чего-то и душевная растерянность. Усмешка героини помогает увидеть в ней отсутствие лицемерия и лести, стремления понравиться, что сразу же и привлекает Обломова. После водворения Обломова на Выборгской стороне интерес к Агафье Матвеевне проявляется все сильнее, а усмешка Пшеницыной обогащается другими смыслами и их нюансами. «Славный кофе», водка «на смородинном листу» вызывают в Обломове благодарность и желание поближе «взглянуть» на Пшеницыну. В ответ на это она «усмехнулась за дверью», а безыскусность ее речи и поведения располагают к себе Обломова: «Какая она... простая, – подумал Обломов, а есть в ней что-то такое...И держит себя чисто!» [4, т. 4, с. 310]. В отличие от «сложной» Ольги, *простота и чистота* Пшеницыной привлекают Обломова, эти качества присущи и ему самому. Автор намеренно деэстетизирует, «упрощает» образ Пшеницыной, чтобы выявить ее глубину. «Подлинная» Пшеницына не открывается недоброму взгляду, в том числе и штольцевскому.

В ответ на реплику Обломова: « – Вы все за работой!» [4, т. 4, с. 319], Агафья Матвеевна усмехается и «заботливо» принимается «вертеть ручку кофейной машины». Пшеницына «усмехнулась и немного застыдилась», услышав комплимент Обломова ее рукам и совет выйти замуж. Она не знает себе цены, полагая, что «с детьми» ее никто не возьмет.

Существует большой пласт научной литературы, демонстрирующей влияние живописных прототипов голландских и фламандских мастеров на вербальный портрет Агафьи Матвеевны, представленной в образе «Кухарки» и «Молочницы» [2, 10].

«Усмешка» Агафьи Матвеевны, как и в случае с «улыбкой» Ольги, также является своеобразным символом ее романа с Обломовым. На ухаживания Обломова она «усмехается», и в этой реакции проявляется ее стыдливость и вместе с тем симпатия к нему, выражаемая через «хозяйскую заботливость»: она берется за штопанье его чулков, привлекая к этому делу свою дочь Машу. Восприятие Обломовым Агафьи Матвеевны в отличие от Ольги предельно приземленное, сниженное, снисходительное. В нем много простодушного юмора: она нравится ему как «хозяйка», обладательница прекрасных рук и локтей; он смотрит «на нее с таким же удовольствием, с каким утром смотрел на горячую ватрушку» [4, т. 4, с. 341].

Наконец, Агафья Матвеевна сообщает о починке халата Обломова, несмотря на его отказ от него: « – Ну, все равно, пусть вымоют: может быть, наденете когда-нибудь...к свадьбе!» – досказала она, усмехаясь и захлопывая дверь» [4, т. 4, с. 341]. Здесь «усмешка» может означать разные смыслы: неосознанную иронию Агафьи Матвеевны по поводу свадьбы с Ильинской, готовясь к которой Обломов бесознательно ухаживает за Пшеницыной, словно его ухаживания происходят в какой-то другой реальности, так что они никак не смущают его совесть. Другой смысл «усмешки» связан с авторским знанием: может подразумеваться будущий брак Обломова с Пшеницыной, в итоге все-таки ставшей его женой. Обратим внимание и на «дверь» – важный пространственный символ, сопровождающий любовный сюжет Обломова и Пшеницыной. Часто герои общаются через *полуотворенную дверь*, она присутствует в их разговоре: Обломов находится в своей комнате, а Пшеницына в кухне. Обломов стремится в своих ухаживаниях оставить Агафью Матвеевну в своей комнате, усадить ее, но она всегда ссылается на свои хозяйственные хлопоты. Агафья Матвеевна не остается с Обломовым и «захлопывает» дверь, словно говоря о завершении их отношений. Обломов первым открывает «заветную дверь». Если с Ольгой связаны «волненья да тревоги», образ «широкой, шумно-несущейся» реки, воспринимаемой им как «болезнь», «горячка, скаканье с порогами, с прорывами плотин, с наводнениями»; то в жизни с Агафьей Матвеевной Обломов видит «мирное счастье и покой» [4, т. 4, с. 342]. Вместо визита к Ольге он совершает визит «к хозяйке», где «пил кофе и ел горячий пирог и к обеду посылал Захара на ту сторону за мороженым и конфетками для детей» [4, т. 4, с. 343].

После расставания с Ольгой, после болезни и страданий Обломова, на его лицо возвращается «добрая улыбка», а к Агафье Матвеевне «усмешка» в ответ на «шутки» Обломова, часто остававшегося в ее комнате:

« – Что это как у вас проворно ходит игла мимо носа...Вы так живо поддеваете, что я, право, боюсь, как бы не пришили носа к юбке».

Она усмехнулась» [4, т. 4, с. 389].

« – Скажите, что если б я вас... полюбил?

Она усмехнулась» [4, т. 4, с. 390].

«А если я поцелую вас? – шепнул он...

– Теперь не Святая неделя, – сказала она с усмешкой» [4, т. 4, с. 390].

Это последняя в романе «усмешка» Агафьи Матвеевны. В эпизодах ухаживания Обломова и его любовного объяснения Агафья Матвеевна ведет себя просто и с достоинством. Показательно, что любовное чувство связывается в ее представлении с праздником Пасхи, с воскресением:

« – Ну, поцелуйте же меня!

– Вот, Бог даст, доживем до Пасхи, так поцелуемся, – сказала она, не удивляясь, не смущаясь, не робея, а стоя прямо и неподвижно, как лошадь, на которую надевают хомут» [4, т. 4, с. 390].

Несмотря на сниженность сравнений, автор передает отношение Агафьи Матвеевны к любви как к труду, жертвенному подвигу, готовности нести бремя любви, соответствующее евангельскому смыслу: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф., 11:30).

Что касается образов культуры, то сходство с Корделией во внутреннем плане обнаруживает как раз Агафья Матвеевна, а не Ольга.

В истории с Обломовым Агафья Матвеевна оживает и преображается. До любви к Обломову она двигалась в доме «как хорошо устроенная машина», когда же Обломов становится «членом ее семейства», Агафья Матвеевна все делает «с огнем», «с силой», «с наслаждением», живет «полно и разнообразно», перейдя под «сладостное иго» любви-заботы об Обломове. Агафья Матвеевна освобождается от автоматизма и оживает для любви.

Она берет на себя бремя всех финансовых забот в трудное для семьи время, когда ее «братец» и Тарантьев доводят Обломова почти до нищеты. И в этих трудных обстоятельствах она сохраняет «веселое лицо», ничего не говоря о денежных проблемах Обломову, и «не срамит хозяина» [4, т. 4, с. 434], закладывает не его вещи, а свое приданое: жемчуг, серебро и даже салоп, чтобы приготовить Илье Ильичу достойный обед. Годы жизни с Обломовым одухотворяют ее портрет: лицо ее «постоянно высказывало одно и то же счастье, полное, удовлетворенное и без желаний», а в глазах «светились кротость и только хозяйственная заботливость» [4, т. 4, с. 478]. После смерти Обломова она, уже «барыня» и «помещица», соглашается служить семье брата. В ее глазах появляется «внутренний смысл», все внешнее, кроме сына Андрюши, словно умирает для нее. При свидании с сыном она оживает, ее глаза наполняются «радостным светом» и заливаются «слезами воспоминаний» [4, т. 4, с. 495]. При изображении скорбящей по Обломову Агафьи Матвеевны Гончаров «использует те лейтмотивные образы, что ранее связывались с Ольгой (лучи, свет, душа, мысль...))» [9, т. 4, с. 337].

Так завершается своеобразная история «усмешки» Агафьи Матвеевны, наполненной многими онтологическими и экзистенциальными смыслами. Добавим, что Агафья не единственная героиня романа, которой присуща выразительная *усмешка*. Усмехается Захар, его жене Анисье тоже свойственна «добродушная усмешка». Эти герои принадлежат к миру народной жизни, в отличие от Ольги и Штольца, ассоциирующихся по преимуществу с миром западной культуры.

Смех в конце романа преобразуется в слезы по герою. «Поток горячих слез» по Обломову привлекает к Пшеницыной и Ольгу: «...и та заплачет вместе с нею, а Андрей, взволнованный, поспешно уйдет из комнаты» [4, т. 4, с. 496].

«Романы» Ольги и Агафьи с Обломовым соединяются в финале романа Гончарова в один. «Улыбка» и «усмешка» поглощаются «горячими слезами» и рождают эффект не катарсиса, но умиления.

Последняя глава романа завершается рассказом о встрече Штольца и его друга-литератора с Захаром. В этой главе, по сути, высказываются два противоположных мнения о ценности жизни Обломова. Первое принадлежит Захару, убежденному, что Обломов «на радость людям жил» (курсив мой – Г.М.), что больше «не нажить такого барина», и напоминает Штольцу о любви Обломова к нему («А вас-то как любил!»). Простодушное восклицание Захара звучит как невольный авторский упрек Штольцу. Любовь исключает осуждение, а Штолец судит своего друга. Именно после этих слов верный слуга Обломова от разговора со своими собеседниками, для которых он просто «старик», «тип нищего», чью историю нужно записать и «перепродать с барышом», внезапно обращается к Богу: «помяни, Господи, его душеньку во Царствии Своем!» [4, т. 4, с. 499]. Неожиданным обращением к Богу Захара автор указывает читателю на милосердие Божьего суда, исходящего из любви и всепрощения.

Штолец приглашает Захара посмотреть на сына Обломова Андрюшу, похожего, по словам Агафьи Матвеевны, на отца: «...весь в покойника!» [4, т. 4, с. 493]. Сходство наследника с Обломовым рождает в читателе надежду, что и сыну Обломова удастся прожить жизнь «на радость людям».

Штольц же, отдавая дань уму, чистоте и ясности души Обломова, его благородству и нежности, считает, что Обломов «пропал ни за что» и что причина этому «обломовщина». Однако перечисленные Штольцем высокие качества души Обломова произрастают на почве «обломовщины», являясь ее неотъемлемыми родовыми чертами. Если следовать логике Штольца, эти «прекрасные качества» даны сами по себе, отдельно от «обломовщины».

Нам же простота объяснения Захаром жизни Обломова представляется более убедительной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненский И.Ф. Гончаров и его Обломов // Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 251-271.
2. Бемиг М.И. И.А. Гончаров о живописи // И.А. Гончаров: материалы межд. конф., посв. 185-летию со дня рожд. И.А. Гончарова. Ульяновск, 1997. С. 230-233.
3. Говоруха-Отрок Ю.Н. И.А. Гончаров // Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика. С-Пб: Росток, 2012. С. 515-534.
4. Гончаров И.А. Обломов // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1979. Т. 4.
5. Григорьев А.А. И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо» // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 144-188.
6. Григорьев А.А. Граф Л.Н. Толстой и его сочинения. Ст. вторая. Литературная деятельность графа Л. Толстого. URL: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/tolstoj.htm> (дата обращения: 03.11.2021).
7. Гродецкая А.Г. «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Гончаров: живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова. Bidliotheca slavica savariensis. Szombathely, 2013. Т. 13. Р. 38-47.
8. Дружинин А. «Обломов», роман Гончарова. URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml (дата обращения: 02.10.2021).
9. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров. Мир творчества. С.-Пб., 2012. 527 с.
10. Мальцева Т.В. Агафья Матвеевна Пшеницына: портрет в дверном проеме // Вестник Ленинград. Гос. ун-та им. А.С. Пушкина. С.-Пб., 2010. Т. 1. №2. С. 300-305.
11. Старыгина Н.Н. Образ *Casta Diva* как центр лейтмотивного комплекса образа Ольги Ильинской: («Обломов» И.А. Гончарова) // Гончаров И.А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 92-99.
12. Степенная книга царского родословия // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 12: XVI век. 624 с.
13. Токарева М.А. Традиции смеха и улыбки в русской и западной культурах // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. №3. С. 93-103.

Поступила в редакцию 20.01.2022

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская 1 (корп. 2)
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

G.V. Mosaleva

TWO “NOVELS”: METAMORPHOSE OF “SMILE” AND “MOCK” IN “OBLOMOV” BY I.A. GONCHAROV

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-5-1054-1061

The article compares two plotlines connected with Olga Ilyinskaya and Agafya Pshenitsyna. The storylines of “smile” and “mock” are researched through the perspective of the category of the comic within Goncharov’s novel. The paper deals with the phenomenon of duality as far as Olga Ilyinskaya’s “smile” is concerned: on the one hand the “smile” is regarded as a symbol of Western culture (one can see smile on the face of Olga for the first time in connection with Shtolts), on the other hand the “smile” appears as a symbol of Olga’s love for Oblomov, love of the world of “own”. Olga’s “smile” is polysemantic: it is associated with book, life and love. The disillusion of her marriage with Oblomov leads to the transformation of her smile as her smile is replaced and subdued by “mock” and “tears”. Dramatic final of the love story of Olga and Oblomov is regarded in metaphysical context as a betrayal of her destination, refusal from her genuine Groom. As a requital of her destination Olga loses her “childish laughter” and “smile”. Discussing the plotline of Agafya Matveevna’s “mock” the author highlights backward movement: from “mock” to “smile”, from automatic life to spiritual transformation of life. The reader appreciates the “mock” of Pshenitsyna as a mystery suggested by the writer. The article considers different meanings of emergence of Agafya’s “mock”: as a sign of chastity of her

soul, as a sign of simplicity, humbleness and meakness. While comparing two heroines the author marks the difference between their cultural references: the image of Olga Ilyinskaya is aestheticized and romanticized while on the contrary the image of Agafya Pshenitsina deaestheticized and deepened. The author emphasizes dynamics of the image of Olga and static nature of the image of Agafya Matveevna. As a result the first image tends towards picturesqueness and the second one leans towards iconicity. In the final part of the novel Olga's "smile" and Agafya's "mock" are dissolved in tears for Oblomov, which makes readers experience some tender emotions.

Keywords: I.A. Goncharov, novel poetics, the comic, plot, world of values, characters.

REFERENCES

1. Annensky I.F. Goncharov i ego Oblomov [Goncharov and his Oblomov] // Annensky I.F. Knigi otrazheny [Books of reflections]. M.: Nauka [Science], 1979. S. 251-271. (In Russian).
2. Bemig M.I. I.A. Goncharov o zhivopisi [I.A. Goncharov about painting] // I.A. Goncharov: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 185-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova [Proceedings of the International Conference dedicated to the 185th birthday anniversary of I.A. Goncharov]. Ulyanovsk, 1997. S. 230-233. (In Russian).
3. Govorukha-Otrok Yu.N. I.A. Goncharov // Vo chto verovaly russkie pisateli? Literaturnaya kritika i religiozno-philosophskaya publitsistika [What did Russian writers believe in? Literary critic and religious and philosophical publicism SPb: Rostok [Sprout], 2012. S. 515-534. (In Russian).
4. Goncharov I.A. Oblomov [Oblomov] // Goncharov I.A. Sobraniye sochineniy [Collected edition]: V vosmi tomakh [In 8 volumes]. M., 1979. Tom [Volume] 4. (In Russian).
5. I.S. Turgenev i ego deyatelnost. Po povodu romana "Dvoryanskoye gnezdo" [I.S. Turgenev and his activities. In regards to the novel "Home of the Gentry"] // Grigoriev A.A. Iskusstvo i npravstvennost [Art and morality]. M.: Sovremennik [Contemporary], 1986. S. 144-188. (In Russian).
6. Grigoriev A.A. Graf L.N. Tolstoy i ego sochineniya. Statya 2. Literaturnaya deyatelnost grapha L. Tolstogo [Count L.N. Tolstoy. Article 2. Literary activity of Count L. Tolstoy]: <http://grigoryev.lit-info.ru/grigoryev/kritika-grigorev/tolstoj.htm>. Data obrashcheniya [Reference date]: 3.11.2021. (In Russian).
7. Grodetzkaya A.G. "Paphos serediny": ironia i avtoironiya u Goncharova [Pathos of the middle: Goncharov's irony and auto-irony] // Goncharov: zhivaya perspectiva prozy. Nauchniye statyi o tvorchestve I.A. Goncharova [Goncharov: vivid perspective of prose. Scientific papers about I.A. Goncharov's creative works]. Bidliotheca slavica savariensis. Szombathely, 2013. T. [Vol.] 13. S. 38-47. (In Russian).
8. Druzhinin A. "Oblomov", roman Goncharova ["Oblomov", Goncharov's novel] URL: http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0070.shtml. [Reference date]: 2.10.2021. (In Russian).
9. Krasnoshchyekova E.A. Ivan Aleksandrovich Goncharov. Mir tvorchestva [Ivan Aleksandrovich Goncharov. World of creative works]. SPb., 2012. 527 s. (In Russian).
10. Maltseva T.V. Agafya Matveevna Pshenitsina: portret v dvernom proyeme [Agafya Matveevna Pshenitsina: the portrait in the door aperture] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina [Bulletin of Leningrad state university named after A.S. Pushkin]. SPb., 2010. Vol. 2. S. 300-305. (In Russian).
11. Starygina N.N. Obraz Casta Diva kak tsentr leitmotivnogo kompleksa obraza Olgi Ilyinskoy: ("Oblomov" I.A. Goncharova) [The image of Casta Diva as a climax of the keynote for the image of Olga Ilyinskaya: ("Oblomov" by I.A. Goncharov) // Goncharov I.A.: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova [Proceedings of the International Conference dedicated to the 190th birthday anniversary of I.A. Goncharov]. Ulyanovsk: Korporatsiya technologiy prodvizheniya [Corporation of promotion technologies], 1997. S. 92- 93. (In Russian).
12. Steppennaya kniga tsarskogo rodosloviya [The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness] // Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of Ancient Rus Literature]. SPb.: Nauka [Science], 2003. T. [Vol.] 12: XVI vek [XVIth century]. 624 s. (In Russian).
13. Tokareva M.A. Traditsii smekha i ulybki v russkoy i zapadnoy kulturakh [Traditions of laughter and smile in Russian and western cultures] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya ["The Bulletin of Moscow University. Issue 19: Linguistics and intercultural communication]. 2005. №3. S. 93-103. (In Russian).

Received 20.01.2022

Mosaleva G.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mosalevagv@yandex.ru